

АГАЛАКОВ МИТРОФАН ЗАХАРОВИЧ

Митрофан Захарович Агалаков родился в 1908 году в деревне Чебаклы Большеуковского района Омской области. Девяти лет остался сиротой. Батрачил у кулаков. В 1929 году вступил в колхоз. Был рядовым колхозником, председателем колхоза, председателем сельского Совета, заместителем директора хлебоприемного пункта в г. Таре.

В ноябре 1941 года добровольцем вступил в ряды Советской Армии. Воевал на Северо-Западном, Калининском, 3-м и 4-м Украинских фронтах, освобождал Болгарию, Венгрию, Румынию, Югославию, награжден орденом Славы I, II, III степеней, орденом Отечественной войны II степени и шестью медалями.

В ноябре 1945 года вернулся домой. Работал заместителем директора Тарского, Усть-Ишимского пунктов «Заготзерно». В настоящее время — пенсионер, живет в селе Усть-Ишим Омской области.

«Мин нет! Агалаков»

Как только до Тары дошла весть о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну, Агалаков явился на призывной пункт с просьбой направить на фронт. А там сказали: «У вас броня. Работайте. Когда понадобитесь — призовем».

Еще несколько раз приходил он в военкомат с той же просьбой. И только в конце сорок первого года надел военную форму. После четырехмесячной подготовки бойцы саперного батальона, куда был определен на службу Агалаков, прибыли на Северо-Западный фронт. Выгрузились из эшелона под городом Чудовом. Здесь уже много дней шли ожесточенные бои: противник, не считаясь с огромными потерями в живой силе и технике, рвался к Ленинграду.

Перед рассветом группу из десяти саперов, в составе которой был и Агалаков, вызвали к командиру батальона. Приказ краток: очистить от противопехотных мин участок местности, где предполагалась контратака наших подразделений.

...К минному полю подползли незаметно, под покровом тумана и темноты. И немедленно за дело. Отыскав под тонким слоем сырой земли первую мину и коснувшись ее холодного корпуса, Агалаков вдруг почувствовал, как по вспотевшей спине забегали мурашки. Вспомнились слышанные от преподавателя подрывного дела в учебном подразделении слова: «Сапер ошибается только раз в жизни».

Осторожно, одним пальцем, он стал отгребать землю от корпуса мины. К счастью, мина оказалась хорошо знакомой: с такими образцами не раз приходилось встречаться еще до отправки на фронт, на учебном полигоне. Вот пальцы нащупали взрыватель, тоненький, как карандаш, металлический стерженек. Теперь нужно освободить от него мину, и тогда спрессованный в деревянной коробке тол станет безопасным, его даже можно бросить в костер, взрыва не будет. Соблюдая меры предосторожности, Агалаков извлек взрыватель и, только мельком взглянув на него, швырнул в зиявшую рядом воронку от снаряда.

Следующую мину он обезвреживал уверенно. А уже через час опасная работа казалась ему совсем обычным делом. Думалось только об одном — как скорее справиться с боевым заданием, расчистить путь атакующим.

До восхода солнца Агалаков успел обезвредить двадцать две мины. Передохнув минуту, пополз к двадцать третьей. И тут случилось непредвиденное... В числе деталей минного взрывателя есть одна весьма простая — чека. Это кусочек тонкой и очень хрупкой проволоки, удерживающей внутри взрывателя специальную пружину в сжатом положении. Достаточно освободить пружину от этого крепления, она мгновенно толкнет ударник с жалом к капсюлю-детонатору, и последует взрыв.

У двадцать третьей мины эта самая чека оказалась перержавевшей. И, едва сапер дотронулся до взрывателя, она сломалась. Каким-то чудом Агалаков успел зажать двумя пальцами, как плоскогубцами, ударник, не давая расправиться пружине. Сапер понимал, что сто́ит только чуть-чуть расслабить пальцы и мина взорвется, от детонации взорвутся соседние. А это значит, погибнут товарищи, он сам. Задание будет не выполнено.

Левой границей минного поля был крутой овраг. Агалаков решил, не выпуская из пальцев крохотное взрывное устройство, извлечь мину из земли и осторожно, ползком, отнести ее к этому оврагу и там спустить с обрыва. Но, когда его руки с зажатой в них миной уже тянулись к кромке обрыва, онемевшие пальцы не удержали ударник...

После выздоровления Агалаков вернулся в действующую армию. Воевал под Ленинградом, Старой Руссой, Великими Луками, на других участках. Взрывал вражеские укрепления, танки, долговременные точки, штабы, наводил переправы.

В конце 1943 года фронтовые дороги привели сибиряка на юг, где советские войска уже вели операции по освобождению от гитлеровских захватчиков Правобережной Украины. В составе отдельной инженерно-штурмовой бригады командир саперного отделения старший сержант Агалаков сражался за Мелитополь и многие другие города и населенные пункты. И не только как сапер. Когда требовала боевая обстановка,

он поднимал и вел отделение в атаку, ходил за «языками», вступал в единоборство с немецкими танками.

...Саперы получили приказ построить две трехкилометровые переправы — понтонную и деревянную — через Сиваш. Об этом «гнилом» озере Митрофан Агалаков слышал немало разных историй времен гражданской войны. Теперь же увидел Сиваш своими глазами. И не только увидел. Его отделению было приказано ставить в этом озере деревянные сваи. Работали по пояс в ледяной воде — был конец января. От холода коченели руки и ноги, судорогой сводило все тело. Работали днем и ночью, отдыхали не больше двух-трех часов в сутки. Все понимали: впереди ожидающий освобождения Крым — цветущий и богатый советский край, разграбленный и превращенный оккупантами в чудовищный концентрационный лагерь — лагерь планомерного массового истребления советских людей.

Строительство переправ через Сиваш надежно прикрывалось нашей авиацией и артиллерией. Но иной день самолетам противника все же удавалось прорваться. В один из таких дней пуля крупнокалиберного немецкого пулемета угодила в ногу Агалакова. Вторично он оказался в медсанбате.

Вернулся в свою бригаду, когда наши войска уже вели бои на Крымском полуострове. Был теплый вечер, апрельский крымский вечер. Стояла такая тишина, что казалось: война ушла куда-то очень далеко.

— Смотри сюда, старший сержант,— сказал лейтенант.— Желтый бугор видишь?

— Это который? — не понял Агалаков.

— Тот, что похож на верблюда.

— Вижу. Понял.

— Так вот, этот «верблюд» — главное направление атаки наших танков. А противник там такие ровики отгрохал — ни одна машина не пройдет.

— Ясно, товарищ лейтенант. Надо сделать дорогу через противотанковые рвы.

— Не одну дорогу, а несколько проходов. Принимай отделение и получай взрывчатку килограммов по пятнадцать-двадцать на брата. А с наступлением темноты — за дело.— Лейтенант посмотрел на часы.— Учти: времени у тебя в обрез.

Пробраться с пудовым запасом взрывчатки и мотками бикфордова шнура через «ничейную» полосу, над которой беспрестанно висят «фонари» — вражеские осветительные ракеты,— задача непростая. Но к назначенному часу саперы были у вражеских укреплений и, не мешкая, принялись устанавливать заряды в тех местах, которые им указали танкисты. Работали молча. Помнили: в нескольких шагах немецкие солдаты, любая неосторожность может погубить дело и тогда сорвется выполнение боевой задачи, а значит, и начало наступления.

Условный сигнал саперы приняли в половине шестого. А через две минуты, как и предусматривалось расчетами, утреннюю тишину разорвал такой грохот, от которого закачалась земля. Вскоре в этот грохот вплелись разрывы артиллерийских снарядов и авиационных бомб. В бреши, образовавшиеся в противотанковых укреплениях противника, на большой скорости, стреляя из пушек и пулеметов, устремились наши танки. С криками «ура» за ними бежала пехота.

Агалаков и его товарищи ликовали. Еще бы! Они сделали все, что могли сделать для обеспечения своевременного и успешного начала наступления.

— Вперед!..— неожиданно услышал Агалаков голос своего лейтенанта, пробегавшего мимо, вслед за цепью пехотинцев.

Агалаков вскочил и скомандовал во всю силу своего голоса:

— Саперы, за мной!

Особенно цепко противник держался за Сапун-гору, являвшуюся ключом его обороны под Севастополем. Здесь, у подножия этой легендарной горы, снова Агалаков был ранен, на этот раз в руку. К нему тут же подползла девушка-санитар, осмотрела рану и, торопливо бинтуя ее, сказала:

— Сделаю перевязку и отправляйтесь в санбат. Спуститесь в лощину и...

— Какой санбат, сестричка? — прервал ее Агалаков.— Впереди — Херсонес! Мне, сибиряку, там крайне надо побывать — погреться на солнышке. Может, такой случай больше никогда в жизни не подвернется...

Когда Крым был полностью очищен от оккупантов, врачи все же отправили Митрофана Агалакова в

госпиталь. Там ему и сообщили, что за храбрость, мужество и бесстрашие, проявленные в боях за Крым, он награжден орденом Славы III степени.

Агалаков рассчитывал «проваляться» в госпитале всего несколько дней.

— Пока вы тут приводите хозяйство в порядок, я вернусь,— сказал он своим друзьям.

Однако врачам пришлось лечить рану полтора месяца. Дело едва не обернулось ампутацией руки.

Ко времени возвращения Агалакова в бригаду его однополчане уже громили гитлеровцев на земле Советской Молдавии. Из старых боевых товарищей он встретил немногих — кто погиб, а кто с тяжелым ранением был эвакуирован в глубокий тыл. В роту он явился перед заходом солнца, а с наступлением темноты группа подрывников под его командованием уже «снимала» проволочные заграждения и минные поля в обороне противника.

С этого задания саперы вернулись не одни — привели с собой более тридцати пленных гитлеровцев, в том числе одного офицера, который на допросе в штабе сообщил важные сведения о замыслах противника и дислокации его войск.

...Душной августовской ночью инженерно-штурмовая бригада в составе одного из соединений 3-го Украинского фронта вышла на восточный берег притока Дуная реки Прут. Требовалось срочно отыскать переправу.

Командир роты вызвал Агалакова:

— По переправам ты, сибиряк, у нас самый опытный. Тебе и поручаю это дело.

— Спасибо за доверие, товарищ капитан.

Командир роты, осветив фонариком лежавшую перед ним карту, обвел на ней красным карандашом нужную точку:

— Здесь значится мост. Надо выяснить, цел ли он. Если цел, то выдержит ли нашу артиллерию, танки... Возможно, мост заминирован. Надо проверить.

Себе в помощники Агалаков взял двух опытных бойцов — Воротынцева и Чемова. К обозначенной на карте переправе они добрались через час. Это был ветхий деревянный мостик.

— Интересно, почему фрицы его не взорвали? — вслух высказал свое удивление Воротынцев.

— Тише ты, горластый,— зашикал на него Агалаков.— Не взорвали — значит наверняка заминировали.

С западного берега вдруг донесся негромкий разговор. Саперы прижались к земле. Пристально вглядываясь в серую предрассветную мглу, они вскоре увидели двух немецких часовых, прохаживающихся возле моста.

Молча понаблюдали за противоположным берегом еще несколько минут. Кроме двух часовых, так никого там и не увидели. Посоветовавшись, решили: Агалаков и Воротынцев, выбрав скрытое от глаз немцев место, выше моста, переплывают реку и снимают охрану, а Чемов, оставаясь на месте, продолжает наблюдение и, в случае необходимости, огнем прикрывает товарищей...

Часовых сняли без шума. И сразу принялись обследовать мост. Как и предвидел Агалаков, он оказался заминированным. Один за другим саперы обнаружили и обезвредили двенадцать мощных зарядов.

— Щедрые, сволочи! Не пожалели начинки! — сердито выругался Воротынцев.

Отправив Чемова к командиру роты с донесением, Агалаков и Воротынцев вернулись на западный берег. Они понимали: поскольку уцелевший мост не пригоден для прохода артиллерии и танков, потребуются балки, сваи и другой строительный материал. Их внимание привлекла старая роща, темневшая в километре от моста. Решили посмотреть, нет ли там подходящих для усиления переправы деревьев. Но едва только они достигли опушки, как Воротынцев, шагавший впереди, вдруг присел и замер на месте. Агалаков инстинктивно последовал его примеру.

— Что случилось?

— Кажется, фрицы загорают.

Действительно, на небольшой поляне была группа немецких солдат: одни стояли, другие сидели, третьи, оголившись до пояса, расхаживали по поляне под лучами щедрого утреннего солнца, что-то высматривая в густой зеленой траве.

— Не меньше роты! — прошептал Воротынцев.

— Рота не рота, а человек шестьдесят-семьдесят наберется.

— Что будем делать?

Агалаков сдвинул брови: «Действительно, что делать? Нас двое, а их вон сколько!..» Мысль работала лихорадочно. Старший сержант вдруг вспомнил прочитанную недавно в армейской газете заметку о том, как целый полк немцев, сознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, сдался в плен двенадцати советским бойцам. В той же газете приводились другие примеры, свидетельствующие о деморализации гитлеровской армии.

— Я думаю, нельзя упускать такую добычу,— решительно сказал Агалаков.— А как ты считаешь?

— Понятно, нельзя,— согласился Воротынцев.

— Тогда поступаем так: ты занимай позицию здесь, а я зайду справа. Огонь открывать по моему сигналу. Даешь очередь и перемещаешься влево, метров на десять... Надо создать видимость, что нас много.

— Ясно, командир!

...Командир дивизии, приехав на переправу и увидев нестройно шагавшую по пыльной дороге колонну немецких солдат, спросил:

— Что это?

— Похоже — пленные, товарищ генерал,— сказал командир саперной роты, не отрывая от глаз бинокля. Убедившись, что колонну сопровождают его подчиненные Агалаков и Воротынцев, добавил: — Точно, пленные, товарищ генерал. Под конвоем моих саперов.

Спустя четверть часа Агалаков докладывал комдиву, как удалось пленить такую большую группу гитлеровцев.

— Сколько же их? — сдерживая довольную улыбку, спросил генерал.

— Ровно семьдесят три, товарищ генерал,— ответил Агалаков.

— А вас сколько?

— Нас?.. Немного, товарищ генерал. Я да вот он, рядовой Воротынцев.

Комдив крепко обнял Агалакова, потом Воротынцева:

— Спасибо, родные!

Через неделю на груди Митрофана Агалакова засияла еще одна правительственная награда — орден Славы II степени.

Дальше фронтовые дороги сибиряка пролегли по чужой, незнакомой земле — через Румынию, Болгарию, Югославию. И тот, кто шел этими же дорогами к победе, вероятно, не раз встречал надписи на дощечках или прямо на стенах домов: «Мин нет! Агалаков».

В конце октября 1944 года советские войска вступили на территорию Венгрии. Наиболее упорные бои развернулись на Будапештском направлении. Стремясь любой ценой удержаться в венгерской столице, гитлеровцы опоясали ее несколькими оборонительными обводами. В прорыве этих обводов саперное отделение Агалакова участвовало в составе штурмовой десантной группы на танках.

На рассвете 12 февраля 1945 года штурмовая группа ворвалась на одну из древних площадей Буды — западной части города, где была встречена сильным огнем противника. Пули, снаряды и мины летели отовсюду — из окон и дверей домов, с чердаков и крыш. Командир группы приказал отделению Агалакова «выкурить» гитлеровцев из полуразрушенного двухэтажного здания, вокруг которого дымились развалины. Казалось, дымом начинена вся площадь. Дым стлался по земле, и это было на руку нашим бойцам.

К цели саперы двинулись ползком. Впереди — Агалаков, за ним, цепочкой,— его солдаты. У каждого, кроме автомата и нескольких ручных гранат, пятнадцатикилограммовый толовый заряд в деревянном ящике. Ползли через груды щебня и камня, по черепичной скорлупе битых крыш, мимо огромных воронок, через лужи. Но самым неприятным казалось то, что противник, встретивший группу бешеным огнем, вдруг замолчал, и эта тишина была загадочной и зловещей. Агалаков тоже думал, как все, в эти минуты: «Видит или не видит?»

Неожиданно на их пути встала кирпичная стена. Похоже, это были остатки какой-то ограды. Саперы остановились передохнуть. От стены — рукой подать до цели. Агалаков пересчитал развороченные снарядами проемы окон в нижнем этаже здания. Их было двенадцать, на каждого сапера по два. На себя старшина взял центральные.

Первыми к зданию поползли трое — Агалаков, с ним Чемов и Панченко. От едкого дыма слезились

глаза, захватывало дыхание. Промокшие шинели мешали двигаться. Но саперы ползли. Укрытием, кроме дыма, им служили каменные глыбы, изуродованные и брошенные вражеские орудия и автомашины, возле которых валялись трупы немецких солдат.

Внезапно из окон здания ударили пулеметы. Вся площадь сразу заполнилась привычной обстановкой боя, и Агалакову стало легче.

— Вперед! — крикнул он своим бойцам, вскочил и, инстинктивно пригибаясь под огненными трассами, бросился к цели.

Добежав до здания, он прижался к иссеченной осколками снарядов стене, снял с плеча ящик с толом и осмотрелся: Чемов и Панченко тоже достигли цели и тоже, как и он, находились в безопасной зоне, каждый возле «своего» окна.

Секунды уходят на то, чтобы привести заряд в боевое состояние — вставить в гнездо толовой шашки запал с концом бикфордова шнура. За три года войны пальцы Агалакова настолько привыкли к этой операции, что он, выполняя ее, одновременно следил за тем, как действовали Чемов и Панченко. А над его головой, слева и справа, не переставали злобно лаять вражеские пулеметы.

И вот сначала Панченко, затем Чемов подали условные сигналы: заряды готовы. Теперь оставалось завершить дело. Агалаков приставил головку спички к срезу шнура и чиркнул по ней теркой. Спичка вспыхнула. И сразу же с шипением заструился сизоватый дымок из твердой оплетки шнура. Обеими руками старшина подхватил с земли ящик с толом, как ребенка, прижал его к груди. В следующую секунду он уже стоял на дымящейся куче щебня, у изуродованного оконного проема. Приподнялся на носках и, что было сил, толкнул смертоносный груз в помещение.

Взрыв грянул в тот момент, когда Агалаков, спеша в безопасное место, уже дополз до угла здания. Почти одновременно рванули заряды Чемова и Панченко.

Из показаний фельдфебеля, плененного саперами Агалакова во время этой операции, стало известно, что в здании находилось два взвода гитлеровцев. Большинство из них оказалось погребенными под рухнувшими от взрывов массивными сводами и стенами.

ТАРСКАЯ

Бой за освобождение Буды не прекращался весь день и всю ночь с 12 на 13 февраля. И все это время от дома к дому, от улицы к улице впереди танкистов и пехотинцев двигался Агалаков со своими саперами. Девять взорванных огневых точек и около сотни уничтоженных фашистов — таков общий итог их боевых действий в западной части столицы Венгрии.

Войну старшина Митрофан Агалаков закончил в Австрии. Его отвагу и мужество, проявленные в боях за столицу этой страны город Вену, командование отметило орденом Отечественной войны II степени.

А в ноябре 1945 года, за день до демобилизации, отыскала сибиряка награда за бои в Будапеште — орден Славы I степени.

М. Шапран